

Йокаи Мор

20.000 лет подо льдом

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М79

М79 **Мор Й.**
20.000 лет подо льдом / Йокаи Мор – М.: Книга по Требованию, 2022. –
191 с.

ISBN 978-5-519-87465-6

ISBN 978-5-519-87465-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II.

Таинственные рукописи.

Всѣмъ извѣстно, что дикіе гуси имѣютъ удивительную страсть къ путешествіямъ. Эти пернатые существа шныряютъ буквально по всему свѣту, не исключая и обоихъ полюсовъ, съ чисто гусинымъ упорствомъ преодолевая всевозможныя препятствія.

Недѣль шесть тому назадъ одинъ буканіецъ, въ квебекской провинціи, застрѣлилъ дикаго гуся. Принявшійся оцѣнивать свою добычу, онъ очень изумился, замѣтивъ, что всѣ хвостовыя перья птицы были съ двойными стволами. Онъ снялъ верхній стволъ и увидалъ въ немъ тонкую, свернутую трубочкой, пленку грязновато-коричневаго цвѣта.

Убѣжденный, что имѣетъ дѣло съ гусемъ особаго рода, добросовѣстный буканіецъ снесъ его въ Квебекъ и подарилъ живущему тамъ знаменитому естествоиспытателю, доктору Смоллису.

Нацѣ славный ученый тотчасъ же понялъ, что этотъ гусь игралъ роль почтальона, и что пленки, находившіяся въ верхнихъ, свободно насаженныхъ, стволахъ хвостовыхъ перьевъ, представляютъ собою тоненькіе листочки коллодіума, покрытые сильно уменьшенными фотографическими снимками съ какой-то рукописи.

Но теряя даромъ времени, докторъ Смоллисъ немедленно же воспроизвелъ эти снимки на бѣлой бумагѣ, для чего послужилъ ему солнечный микроскопъ, увеличивающій въ двѣ тысячи разъ.

Но кто опишетъ отчаяніе почтеннаго ученаго, когда онъ

открылъ, что рукописи были написаны на языкѣ, не похожемъ ни на одинъ изъ извѣстныхъ ему языковъ цивилизованныхъ народовъ!

Первыя строчки изображали собою слѣдующее: «Питилитетелететрополото Гаталаталитилитибаталасъ» и т. д...

Это могло быть написано, вѣроятно, на языкѣ индійцевъ: только въ Восточной Индіи и употребительны такія непомерно длинныя слова!

Лишь съ большимъ трудомъ удалось доктору Смоллису найти человека, который, за сравнительно громадную плату, взялся переписать непонятную рукопись. Эту копию знаменитый ученый скопировалъ, въ свою очередь, и послалъ одинъ экземпляръ ученому обществу въ Калькутѣ, а другою—обществу языкознанія въ Рио-де-Жанейро.

Но оба эти общества не добились никакого толка отъ этихъ бумагъ, а потому послали ихъ на разсмотрѣніе академіи въ Іеддо и въ Пекинъ.

Тутъ тоже долго возились съ загадочными рукописями, но тоже безуспѣшно. Одни изъ глубоко-ученыхъ языковѣдовъ увѣряли, что онѣ написаны по-санскритски, а другіе утверждали, что это какое-нибудь иное, еще неизвѣстное, нарѣчіе.

Какъ бы то ни было, но никто не понялъ ровно ничего изъ этихъ бумагъ.

Тогда ихъ отправили въ Санктъ-Петербургскую академію. Тамъ рѣшила, что это языкъ бисбарига и передала рукописи въ Гельсингфорскую академію, откуда онѣ, въ силу родства финскаго языка съ венгерскимъ, и были препровождены въ Будапештъ, въ Венгерскую академію наукъ.

Тамъ онѣ будто бы пролежали три года. То-есть онѣ пролежали всего мѣсяцъ, но, для приданія этому дѣлу боль-

шей важности, постѣ говорили, что, молъ, съ этими рукописями пробилась лучшій свѣтила венгерской науки ровно три года!

Наконецъ, желая покончить со спорными документами, послали ихъ въ классы языковѣднiя.

Оттуда они и попали въ наши руки. Достаточно налюбовавшись на нихъ, мы выставили ихъ въ редакціи нашей газеты, рассчитывая на то, что, можетъ-быть, кто-нибудь изъ публики и пойметъ языкъ, на которомъ они составлены.

Однако, сколько ни являлось языковѣдовъ, даже такихъ, которые свободно разбирали и понимали и рунныя письма и клинообразныя каракули,—никто не могъ понять этого таинственнаго языка!

Но вотъ однажды полюбоществовалъ взглянуть на эту тарабарщину, причинившую почти всеѣмъ ученымъ міра столько головолмки, нашъ Стефанъ, игравшій въ редакціи роль человека на все руки: онъ и сапоги намъ чистилъ, и мелкія порученія наши исполнялъ, и завѣдывалъ отопленіемъ и освѣщеніемъ редакціи, готовилъ намъ выпивку и закуску, а въ свободное время успѣвалъ и репортерствомъ заниматься.

Этотъ самый Стефанъ, какъ взглянулъ на рукописи, такъ и захохоталъ во все свое здоровое горло.

— Эхъ, господа ученые!—сказалъ онъ, когда хохотъ у него поулегся,— а вѣдь это написано на *птичьемъ* языкѣ!

— Какъ на *птичьемъ* языкѣ?!—изумились мы.—Да развѣ существуетъ такой языкъ? И ты понимаешь его?

— Конечно, существуетъ, если на немъ написано, и, стало-быть, я понимаю его, если могу перевести вамъ эту рукопись,—съ сознаниемъ своего превосходства надъ нами объявилъ Стефанъ.

Опять перевелъ намъ интересную рукопись — построцию. Ав-

торомъ этой замѣчательной рукописи оказался оставленный на сѣверномъ полюсѣ Піетро Галиба. Нечему ему пришла фантазія написать свои интересныя записки ~~не на человѣческомъ языкѣ~~—это осталось его тайной. Обработавъ ~~переводъ~~ Стефана настолько, чтобы сдѣлать ~~его~~ годнымъ къ печати, мы теперь имѣемъ честь и удовольствіе подѣлиться со своими читателями.

III.

Укрощеніе бѣлыхъ медвѣдей.

Проснувшись,—вижу Піетро Галиба,—я увидалъ, что нахожусь одинъ на кораблѣ.

Я звалъ своихъ товарищей, доктора, капитана, но никто не отвѣчалъ мнѣ.

Нѣтъ болѣе сомнѣнія—я покинутъ одинъ на сѣверномъ полюсѣ!

Въ глубокомъ отчаяніи я бродилъ по всему кораблю, обшаривая всѣ его углы и закоулки—нигдѣ ни одного сухаря, ни одной жестянки съ мясными консервами, даже ни одной капли вина.

Я подвергался двойной опасности: умереть за недостаткомъ пищи и получить цыngu за неимѣніемъ вина, стало-быть—опять-таки смерть.

Кромѣ того они позволили забрать съ собою и все огнестрѣльное оружіе, которымъ я могъ бы защищаться противъ дикихъ звѣрей и добыть себѣ пропитаніе.

Положимъ, остались пушки; но не могу же я стрѣлять въ медвѣдей изъ пушекъ!

Однако оно, пожалуй, и не дурно, что пушки остались, я выстрѣлю изъ нихъ всѣхъ по очереди. Можетъ-быть, мои товарищи еще не успѣли отплыть далеко, т. е. не настолько далеко, чтобы не услышать пушечнаго выстрѣла. Вѣдь въ этой мѣстности звукъ разносится гораздо дальше, чѣмъ тамъ... Быть-можетъ, услышатъ мою пальбу и возвратятся за мною.

Занятый этой заманчивой мечтой, я вошелъ въ пушечное отдѣленіе.

Но тамъ ожидалъ меня такой сюрпризъ, что мое почтеніе!

Когда я отворилъ дверь, меня встрѣтилъ громадный медвѣдь.

Полагаю, что онъ проникъ на корабль сквозь бойницу...

Это была великолѣпная бѣлая медвѣдица, съ которой я уже раньше имѣлъ честь познакомиться.

Недѣлю тому назадъ я убилъ ея дѣтеныша. Въ то мгновеніе, когда моя пуля уложила медвѣженка, горящій пыжъ отъ заряда упалъ на спину матери и прожегъ тамъ, въ бѣлой шкурѣ, дыру. По этому клейму я и узналъ ее.

Я съѣлъ сыночка этой неуклюжей, четырехлапчатой дамы; теперь она съѣстъ меня. Это очень естественно, но, тѣмъ не менѣе, очень скверно!

Я былъ совершенно беззащитенъ и безоруженъ.

Не помня себя, я кинулся въ находившійся противъ меня физическій кабинетъ и посѣпшно заложилъ за собою дверь всѣмъ, что только попадалось мнѣ подъ руку.

Но этимъ путемъ мудрено было спастись. Медвѣдица однимъ взмахомъ своей могучей лапы разобьетъ дверь, и тогда я погибъ.

Да, я погибъ; не откуда мнѣ ждать спасенія!

Ну, пусть такъ!.. Однако постараюсь хоть облегчить пред-

стоящую мнѣ мучительную смерть. Но какимъ образомъ?.. А вотъ какъ: попробую примѣнить то самое средство, которымъ доктора усыпляютъ своихъ пациентовъ передъ болезненной операціей. Благо, это средство тутъ... Да, я буду вдыхать хлороформъ. Запаса здѣсь хватитъ на цѣлую армію...

Только-что я успѣлъ проглотить большію губку этимъ опаснымъ усыпительнымъ снадобьемъ, какъ медвѣдица уже изволила продавить верхнюю доску двери, просунуть въ образовавшееся такимъ образомъ отверстіе громадную голову и оскалить зубы по направленію ко мнѣ.

«Э!—подумалъ я. — Зачѣмъ же я-то стану вбирать въ себя эту гадость?.. Лучше я угощу ею госпожу медвѣдицу!»

Сказано—сдѣлано. Губка полетѣла прямо въ носъ лохматому чудовищу.

Въ то же мгновеніе медвѣдица лишилась чувствъ, замеревъ въ крайне неудобномъ положеніи: голова и переднія лапы находились по эту сторону двери, а остальное туловище съ задними лапами обрѣталось на той сторонѣ.

Она точно заснула и видѣла интересныя сны, судя по улыбающемуся выраженію ея морды и по движеніямъ лапъ, которыми она какъ будто гладила кого-то.

— Вотъ видишь!—проговорилъ я, подходя къ ней въ упоръ: — я могъ бы теперь преспокойно перерѣзать тебѣ горло, стянуть съ тебя шкуру и заготовить впрокъ твое мясо, котораго хватило бы мнѣ мѣсяца на два. Но я этого не сдѣлаю.

Не сдѣлаю, потому что я венгерець. Я крѣпко сижу здѣсь, хотя и не приведенъ сюда нашимъ родоначальникомъ Арпадомъ, и мы съ тобою поневолѣ стали земляками. Оба мы живемъ на землѣ Франца-Иосифа, и потому должны

дружить... Вѣдь если я тебѣ съѣмъ тебя, то явится сюда вся твоя шайка, а такъ какъ я составляю меньшинство, то п меня живо съѣдятъ. А это будетъ очень скверно!.. Вотъ поэтому мы съ тобою лучше войдемъ въ мирное соглашеніе. Ты меня не трогай, а я тебя не трону, и мы совместно поищемъ третьяго, которымъ оба и насытимся. Поняла?

Знаменитый укротитель лошадей Рарей обладалъ секретомъ, послѣ него ставшимъ достояніемъ всѣхъ и каждаго. Онъ умѣлъ превращать въ какія-нибудь десять минутъ самую дикую лошадь въ кроткую, послушную овечку. Весь секретъ состоялъ въ томъ, что онъ давалъ животному нюхать хлороформъ. Этимъ оно мгновенно усыплялось, а пробудившись, снова становилось неузнаваемымъ и позволяло дѣлать съ собою все что угодно, пока слышало запахъ хлороформа.

Этотъ самый способъ и я примѣнилъ къ медвѣдицѣ.

Пользуясь ея безчувственнымъ состояніемъ, я надѣлъ ей на переднія лапы и крѣпко перевязалъ двѣ громадныя кожаныя рукавицы, употребившіяся матросами при малеврахъ.

Теперь она не могла пустить въ дѣло своихъ когтей—и то хорошо.

Мой опытъ удался какъ нельзя лучше.

Когда хлороформированная медвѣдица пришла въ себя, она болѣе не напоминала дикаго чудовища, какимъ явилась предо мной. Открывъ глаза, она начала потихоньку тивкать, какъ дѣлаютъ собаки, когда просятъ выпустить ихъ, а когда я подошелъ къ ней, она лизнула мою руку, протянула мнѣ лапу и терлась носомъ о мое колѣно.

Я даже не удивился этому. Если можно превратить страннаго кабана въ ручную свинью, то отчего жъ не сдѣлать изъ дикаго медвѣдя тоже ручного?

Я уже предвижу въ недалекомъ будущемъ, какъ мой способъ укрощенія медвѣдей произведетъ переворотъ во всемъ мірѣ. Представляю себѣ такую картину. Прекрасные медвѣди стадами пасутся въ лѣсахъ, а вечеромъ, подъ звуки барабана и флейты, они будутъ возвращаться домой, по деревьямъ, ласково поглядывая на своего любимого пастуха. Лѣтомъ имъ будутъ остригать шерсть, а зимою стануть откармливать ихъ картофелемъ и пшеномъ. Въ «Нештскомъ Ллойдѣ» введуть постоянную рубрику, въ которой будетъ значиться: «Первострижная медвѣжья шерсть въ спросѣ. Медвѣжий жиръ—въ сильномъ повышеніи. Медвѣжьи пикеры—въ больномъ требованіи...» И въ экипажи можно будетъ впрягать ихъ. Настоящимъ солиднымъ помѣщикомъ будетъ считаться только тотъ, который пріѣдетъ въ городъ на четверкѣ бѣлыхъ медвѣдей. А скотницы будутъ доить медвѣдицъ...

Ба, какая мысль!.. Какая мысль въ самомъ дѣлѣ! Отчего бы и мнѣ, бѣдному, брошенному въ ледяной пустынѣ матросу, не покормиться медвѣжьимъ молокомъ?

Я сдѣлалъ опытъ, и онъ отлично удался: медвѣдица охотно позволила мнѣ воспользоваться ея молокомъ.

Бѣлая медвѣдица приняла меня на мѣсто своего дѣтеныша—такого волшебнаго дѣйствія хлороформа еще никто никогда не представлялъ себѣ!

Однако укрощенъ-то только одинъ медвѣдь. Что же я подѣлаю со всѣми остальными, которые ревутъ какъ сумасшедшіе тамъ, на льду, вокругъ корабля?.. Я слышу, они уже на палубѣ и обрабатываютъ опускающіе двери.

Моя медвѣдица трепещетъ. Она, очевидно, боится за мою жизнь.

И на скорую руку прозвалъ ее «Бэби», и сказалъ:

— Успокойся, Бэби! А все, я какъ-нибудь полажу и съ твоими соплеменниками.

Бэби кинула мнѣ взглядъ, полный искренняго сочувствія.

Я, дѣйствительно, надѣялся, что полажу хоть съ цѣлой сотней бѣлыхъ медвѣдей.

Въ нашемъ кабинетѣ рѣдкостей стоялъ длинный рядъ большихъ стеклянныхъ сосудовъ съ широкими отверстиями. Всѣ они были доверху полны спиртомъ. Въ нѣкоторыхъ плавали различные препараты и рѣдкости, которые наши ученые собирали для европейскихъ музеевъ, да, очевидно, забыли здѣсь, внопыхачъ, вмѣстѣ со мною.

Между прочимъ, тутъ находился и розовый тюлень, о которомъ шло столько толковъ въ научномъ мірѣ.

Я взялъ двѣ большія корзины, наполнилъ ихъ банками и прикрѣпилъ къ спинѣ Бэби. Самъ же я окутался шкурой бѣлаго медвѣдя, нѣсколько времени тому назадъ убитаго однимъ изъ моихъ товарищей, опрыскалъ ее хлороформомъ, завязалъ себѣ носъ и ротъ платкомъ, пропитаннымъ укусомъ—безъ этой предосторожности я бы самъ унаркотился до степени осла—и отворилъ дверь на палубу, показывая Бэби знаками, чтобы она двинулась впередъ.

Она покорно пошла наверхъ.

Я рассчитывалъ, что медвѣди тотчасъ же завладѣютъ корзинами, т. е. главнымъ образомъ банками съ ихъ лакомымъ содержимымъ. При этомъ я надѣялся узнать ихъ короля. Вѣдь, по всей вѣроятности, онъ выберетъ себѣ самый лучшій кусокъ, т. е. розоваго тюленя; этимъ онъ выдастъ свое достоинство, и я поспѣшу подружиться съ нимъ.

Остальныхъ тогда нечего будетъ бояться.

Дѣйствительно, все произошло такъ, какъ я предвидѣлъ.

Корзины, принесенныя Бэби на палубу, мгновенно были опустошены.

Могучій медвѣдь, 7 $\frac{1}{2}$ футовъ вышины, первый выбралъ себѣ львиную долю. Нѣсколько другихъ, немного поменьше его—очевидно, приближенные—присвоили себѣ другія лакомства, а то, что было похуже—разныя крысы и мыши, досталось на долю обыкновеннымъ медвѣдямъ. Штукъ двадцать изъ нихъ съ громкимъ ворчаніемъ забрались на таке-лажъ, выражая тѣмъ свое неудовольствіе. За это оставшаяся внизу партія стала швырять въ нихъ пустыми банками и разною валявшеюся у нихъ подъ лапами мелочью.

Наконецъ, когда все было съѣдено и выпито, медвѣжій король началъ что-то нѣжно ворчать моею Бэби, которая, въ свою очередь, еще съ большею нѣжностью лизала ему голову, слегка сжимая, въ знакъ любви, лохматую пікуру звѣря зубами.

Я понялъ, что Бэби была супругой великаго могола медвѣжьяго царства!

Вотъ такъ штука! оказывается, я позаимствовался молокомъ у самой королевы полярныхъ медвѣдей!

IV.

Провіантскій складъ сѣвернаго полюса.

Медвѣжьему королю, очевидно, казались чрезвычайно подозрительными рукавицы, надѣтыя на лапахъ его супруги. Онъ долго косился на нихъ и сердито бурчалъ что-то. Бэби пустила въ ходъ всѣ свойственныя женскому полу уловки, которыми онѣ стараются успокоить расхолодившихся